

УДК 330.1 (075.9)

**Институты развития:
мировые тренды и национальные проблемы**

Лемещенко Петр Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики Белорусского государственного университета. *E-mail*: Liamp@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена не совсем обычному и привычному для исследователя экономическому ресурсу – институтам и институциям, которые, с одной стороны, иницируют, организуют в той или иной степени эффективности использование этих традиционных ресурсов, а, с другой – сами впитывают и оформляют результат социально-экономического и нравственно-культурного развития, создавая потенциал к развитию на следующем историческом цикле эволюции. *Предмет исследования*, таким образом, это область устойчивых политико-культурных и социально-психологических отношений, создающие потенциальные условия и возможности страны к развитию и росту, а также устанавливающие при определенных обстоятельствах и проявляющихся интересах серьезные ограничения политико-экономической динамики. *Цель работы* заключается в том, чтобы зафиксировать российский исторический контекст эволюции с формальными проявлениями, инициированными различными внутренними и внешними институтами. *Сделан вывод* о необходимости проведения эволюционной динамики как наиболее оптимальной с точки зрения трансформационных издержек, предполагающей сочетание экономической генетики и имеющихся в стране ментальных свойств с формальным институциональным регулированием. Реформы последних десятиков лет, а также текущая санкционная война ориентируют на стратегию регионализации и формирование политико-экономических союзов стран, близких по ментальным признакам населения, политиков, бизнеса.

Ключевые слова: институты, экономическая ментальность, развитие, регионализация.

**Современная экономическая наука:
несколько слов о методологии**

Заглянув на три десятилетия назад, можно из всех явных и надуманных, вмененных проблем СССР и, соответственно, входивших в это объединение республик, получивших политическую независимость, зафиксировать все-таки ключевую проблему: сложившаяся система обнаружила серьезные ограничения в своем внутреннем потенциале социально-экономического развития. Безусловно, наиболее очевидным и

чувствительным параметром этого явления выступил экономический рост. И, как помнят очевидцы обсуждения проблемы динамики экономического роста, данный вопрос был конкретизирован таким понятием как «качество экономического роста». В советской экономике наметился серьезный перекос в том, что некоторые товары производились в избытке, например, цемент, металл, сельхозмашины и пр., но остро усиливала социальное напряжение нехватка товаров и особенно качественных товаров «народного потребления». Парадокс с обострением серьезных противоречий проявил себя налицо: система, которая создала мощнейшую индустрию в весьма сложнейших условиях и внешних ограничениях, победила в самой жестокой и разрушительной из всех войн, которые знала история, начала давать серьезные сбои в, казалось бы, благоприятных мирных условиях. Конечно, это не значит, что не было конкурентной войны. Она очень четко проявила себя на рынке ресурсов и в частности нефти, цена на которую за баррель в начале 80-х годов упала с 35 до 8-10 долл. В период же высоких цен руководство СССР, как свидетельствует статистика, полученный нефтяной доход разместило в нефтедобывающую отрасль. Это соответствовало канонам проводимой по тем временам новой экономической реформы. Наука, образование и соответствующие структуры финансировались по остаточному принципу. Думается, анекдот про папу-инженера все еще помнят хорошо: не надо, дети, смеяться над Вовочкой, у которого папа – инженер.

Но и, так называемые, рыночные страны в это период активно обсуждают проблему развития и роста. Еще к 70-е годы прошлого века прошла острая дискуссия в мировом научном сообществе о целесообразности постоянного «нагнетания» экономического роста. Известный американский экономист К. Боулдинг по этому поводу высказался хотя и иронично, но очень определенно: тот, кто верит в бесконечность экономического роста в этом конечном мире, либо безумец, либо экономист. Ведь далеко не все потребности рационального человека имеют безграничный характер, это, во-первых. Во-вторых, и население, которое генерирует экономический рост и одновременно является его потребителем, не имеет такой стремительной динамики роста. Но потребность в *развитии Человека и Человечества*, безусловно, есть и острота этой проблемы за последнюю четверть века значительно выросла. Оказалось, что может быть рост без развития и даже с признаками существенной деградации социально-экономических систем. Об этом сказал даже президент России в одном из своих выступлений, характеризуя текущую ситуацию в стране и формируя долгосрочную стратегию развития.

Если обратиться к истории социально-экономического развития, то без преувеличения можно заметить, что старт, динамику современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила политэкономия. И тем более странно, что это, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой основе и даже исключена из научных

классификаторов, учебных планов, программ вузов. Но дело не только в этом. Дело в том, что устранение политэкономических научных и образовательных традиций лишило политика, хозяйственника, индивида основы рационального, адекватного изменяющейся практике мышления, т.е. методологии, способу, методам и инструментам получения знания. А если некий человек, как пишет известный по экономике развития Й. Шумпетер, «будет пытаться поправить дело с помощью магического заклинания, – например, бормотать: «Спрос Предложение!» или «Планирование и Контроль!», – значит он находится во власти дорационального мышления» [1, с. 172]. В нашей современной ситуации такого «общепринятого», хотя и не осмысленного и тем более нерационального бормотания с разных сторон о рыночном равновесии, свободной модернизации и либерализации, к сожалению, можно услышать довольно много. Итог относительно рыночных преобразований и модернизации можно посмотреть как по статистическим справочникам, так и по окружающим явлениям. Он пока не может впечатлять ни по результатам молодых реформирующихся стран, ни по миру в целом. Общий мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году убедительно подтвердил, что сложившаяся западная политико-экономическая модель нуждается в серьезной реконструкции, а ее теоретическая основа – экономическая теория с неоклассической методологией в принципиальной парадигмальной замене. Оценивая причину современного общего кризиса, П. Кругман пишет: «Истинная редкость в мире – это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего... Единственно важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [2, с. 296].

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи *априори* заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный материально-денежный интерес, универсальные счетно-аналитические способности «экономического человека», нулевые транзакционные издержки рынка. И если рациональность классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы, на все общество. Доминирующая познавательно-эвристическая функция науки сменяется узко позитивистско-прагматическим значением исследовательского процесса. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности. Ссылка на западные страны может быть принята во внимание, но лишь как дополнительная

информация к более глубокому анализу, поскольку содержание работы Эрнандо де Сотто «Загадка капитала, или почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире» обостряет данную проблему. Работы отдельных авторов по исследованию причин, последствий и возможностей современного кризиса отдельными авторами, комиссиями от МВФ, ООН, МБ, других международных институтов уже подводят к выводу, что «бывшие коммунистические страны после краха своей системы, сложившейся после второй мировой войны выбрали искаженный вариант рыночной экономики. Они поменяли своего прежнего бога Карла Маркса на нового – Милтона Фридмана, - пишет Дж. Стиглиц. - Но новая религия не служит им хорошо» [3, с. 273]. Поэтому надо думать самостоятельно исходя из общих мировых политико-экономических тенденций, понимая сложность и ответственность за предлагаемые выводы и то, кому ты служишь и за что и что из этого получается и создавать новые идеи и теории, соответствующие общим интересам мир-системы в целом и ее отдельных элементам странам национальным, не попирая их интересы и оскорбляя их за свою лояльность по отношению существующей несправедливости.

Впервые на несоответствие предпосылки об уровне рациональности и хозяйственных процессов еще в 50-е годы прошлого века обратил внимание Г. Саймон, сформулировав гипотезу о «неполной рациональности», зависимой от когнитивных способностей индивида, процедуры исследования и других условий. Что значит несоответствие? Это значит, что в рамках определенных традиций теория «развивалась?» на собственных, неверно сформулированных предпосылках о «разумности человеческого поведения», а практика функционировала, конечно, не сама по себе (!), но не в соответствии с выработанными принципами и прогнозами. Особенно это касается предпосылки о равновесии рыночной экономики, после каждой новой представленной модели «неожиданно» случался очередной экономический кризис. Например, кризис 1929-1933 гг. абсолютно не подтвердил прогнозы известных Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви. На тот период профессор И. Фишер был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал о том, что цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. И. Фишер потерял не только свой научный авторитет, но и все свои сбережения. Последующие кризисы не только не похожи друг на друга по своим причинам, последствиям и пр., но имеют и разное теоретическое объяснение, интерпретацию, движущую силу. Один из основных выводов истории кризисов и, естественно, «сопровождающих их теорий» заключается в том, что требуется новый целостный взгляд на современное мироустройство, его эволюцию хозяйственных отношений, их форм, подобный тому, который был зафиксирован классической политэкономией.

Во-первых, именно в исследовании системы объективных экономических законов и отношений человеческого общения (производства, распределения, обмена и потребления) оформился предмет экономики как науки в ее классической интерпретации, предложив практике ее адекватный хозяйственно-политический образ, практичную и перспективную модель эволюции. Во-вторых, политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. В-третьих, предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволил выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства, эпохи с указанием ограниченности и перспективности одних экономических форм по сравнению с другими. В-четвертых, зафиксировать «несущую конструкцию» или основу общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. В-пятых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений определить прогноз возможных противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Наконец, политэкономия дает методологическую и инструментальную основу для анализа другим более конкретным экономическим дисциплинам. В начале 20 века под влиянием специализации экономических дисциплин политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику (экономикс), политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. А отдельные калейдоскопичные фрагменты отдельных частных дисциплин не могут воссоздать целое. Возник дефект знания подобный дефекту массы в физике. Смысл его в том, что частные знания отдельных экономических и других специализированных научных дисциплин не дают все-таки целостной синкретичной картины современной мир-экономики. А это сегодня принципиальный вопрос: каково направление, стратегия и основные хозяйственные формы развития современной мирохозяйственной системы, как в ней находят свое место национальные хозяйственные единицы с рамками полномочий и функциональных особенностей.

Сегодня на новом уровне названные выше проблемы проявляют себя еще большей остротой. И в первую очередь определение системы и ее структурных элементов, генерирующих потенциал не к росту, поскольку последний может быть и деградирующим, а к развитию. При всем при том, что «ресурсы имеют значение», для социально-экономического развития наибольшее значение и силу имеют институты. Институты – это эндогенные феномены, система которых определяет не только размер дохода и богатства, но и результатов хозяйствования в более широком смысле слова: отношений общения, роста доверия, культуры, накопления опыта, образования,

продолжительности жизни и пр. Поэтому этот результат следует рассматривать как функцию от формируемых институтов: $y = f(I_1, I_2 \dots I_n)$, где I_1, I_2, \dots, I_n – это институциональные изменения конкретного политэкономического пространства и времени.

При всей своей важности в условиях современности *исследовательская программа* институционализма все же будет частным случаем политэкономии. Объект и предмет анализа институционалистов выходит за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки «ресурсы-результаты» и производственные отношения. Институциональная программа исследований обращается к кумулятивному началу общества, как целого, так и различных его *составных элементов*. Это дает хозяйственной практике основу для *прогнозирования, планирования и проектирования институтов развития* страны, формируя иной арсенал инструментов госуправления.

Определение же верной «*формулы*» экономической идеологии для этих условий является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности, на неформальном и формальном уровне, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического *развития и роста*, их источниками, факторами и условиями. В частности институциональная среда может, как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования *социального капитала*, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с *институциональными изменениями*, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода *трансформационной ренты*. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой *предел положительной отдачи от своего функционирования*, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься *институциональным планированием и проектированием*, выявляя *историческую обусловленность и предпочтения* стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *общественных органов*, чтобы исключить присвоение трансформационной *ренты* государством или частными лицами. Собственно, выше названные проблемы можно обобщить как *политэкономии институтов*. Критерием смены одних институтов на другие выступает *соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций*. *Переходные институты* в эпоху системных трансформаций

играют роль общественно–экономических *стабилизаторов*, а посему должны занять в экономической политике особую значимость.

Анализ показывает, что *финансовый капитал вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом*, основанным на частной собственности и производительной норме поведения. Кроме общей мировой нестабильности система отношений вступила в противоречие против человека как вида и как социума. В условиях глобализации наметился переход традиционной власти от денег и государства к иным формам. Одновременно заложена основа *дестимулирования*, поскольку перераспределение прав собственности не носило экономического характера и обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. *Законы распределения*, на которые повлияла кредитно-денежная система в первую очередь, вступили в противоречие с *законами собственно воспроизводства*. Праздная жизнь как вторая сторона экономик рыночного типа небольшого числа богатых государств, которую критиковал еще Т. Веблен, оказалась навязанной и, следовательно, ближе к населению, чем жизнь производительная.

Для стимулирования развивающихся экономик надо исходить не из учетной ставки банковского процента как некой нормы поведения экономических агентов, а из возможной, планируемой нормы прибыли на затраты предприятий высокотехнологичных отраслей, которые могут служить критерием эффективности и ориентиром для цен на другие товары, заработную плату, налоги, трансферты и пр. С институциональной точки зрения мы должны учитывать, что монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества *не является доминирующей стратегией многих новых стран*, включая, например, Беларусь, Россию и Украину, где денежный приоритет находится во втором ряду ценностей. Но в реальной хозяйственной практике в альянсе с экономической политикой навязывается в качестве приоритета именно денежный интерес, который всегда выигрывает в финансовых играх, называемых «национальной финансовой политикой». К сожалению, реализуется этот интерес за счет бедных.

Таким образом, при всем притом, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставляет теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, т.е. экономическими законами и социальными требованиями. Тенденции таковы, что «справедливость... представляет главную основу общественного устройства. Если она нарушается, – пишет А. Смит, – то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах» [4, с. 101].

Институты имеют значение

При анализе институтов, выступающих в роли нового нематериального, но доминирующего ресурса современной экономики, следует иметь в виду, что далеко не все страны могут по разным причинам выстраивать соответствующую историко-социальному генотипу и ресурсным составляющим институциональную матрицу. Мировой опыт свидетельствует о том, что страны, которые достигают наиболее высоких экономических показателей, всегда обладают высокоразвитыми институтами. «Развитость институтов является поистине тем золотом, которое не всегда блестит, но без которого, по большому счету, невозможно процветание страны» [5, с. 14]. Но это при условии эволюционного развития [6, с. 56 – 66]. Революционные изменения институтов меняют подходы к качеству институтов.

В России есть определенная структура институтов развития начиная от Министерства экономического развития и завершая финансовым соответствующим фондом. Есть и оригинальный институт Сколково для модернизации российской экономики. В Беларуси есть агентство и даже Банк развития под инновационные стратегии. Но прошло уже немало времени, а если взять структуру экспорта и импорта двух стран, то окажется, что эти формальные институты мало изменили потенциальную конкурентную стратегию и экспортные возможности стран. Сырьевая зависимость сохранилась даже для Беларуси, которая всегда выступала индустриально-аграрной страной. Чуть глубже заглянем в историю и отношения.

За XIX – XX вв. в России произошло немало судьбоносных реформ, которых хватило бы доброму десятку стран на двести-триста лет. В дискуссиях о судьбах России участвовали и участвуют люди разных сословий, профессий и образования. Сто лет назад при публикации своего труда С.Н. Булгаков предложил задуматься о более сакральных мотивах мышления и поведения человека при формировании новой политико-экономической системы, отличной от прежней царско-монархической, со специфическими элементами «русского рынка». И сегодня эти идеи общего и специфического находят отклик у специалистов под влиянием изменяющейся реальности. Но, к сожалению, не на практике. Политико-правовые формы и инструменты «подавляют» экономические законы, фиксирующие историко-генетические тренды, что депрессивно влияет на показатели социально-экономической эффективности.

Отражением длительных и весьма острых дискуссий между «западниками» и «славянофилами» в России стало принятие половинчатого решения – отмена в 1861 г. крепостного права. И хотя это было противоречивое и во многом формальное изменение основного конституирующего отношения страны, оно привело к существенному росту темпов экономической динамики: интенсивно строились железные дороги, сократилось отставание России от других стран по среднедушевому доходу, темп роста этого дохода был примерно равен темпам западных стран [7, с. 207, 366 – 368]. Однако для России этот институциональный прорыв не обеспечил ожидаемого экономического прорыва – сработал эффект исторической колеи. *Первое* – это сложившаяся под воздействием религии и

особых властных отношений ментальность населения и «политических элит». Независимо от того, хотим мы этого или не хотим, у большинства населения сохранилось сильное чувство патернализма и других ментальных свойств, которые никак не способствуют повышению экономической активности [8]. Сложилось также своеобразное отношение к труду как основному источнику богатства. Мало кто сегодня верит, что благодаря честному и активному труду можно обеспечить себе уверенное благополучие, хотя количество верующих людей значительно увеличилось. Но разные религии по-разному трактуют понятие труда и его роли в экономической деятельности. Например, православие призывает «молиться и трудиться», католицизм – «трудиться и молиться», а протестантизм – «труд и есть молитва». *Второе* – это закрепленные даже в формальные нормы общинные отношения, связанные с коллективным использованием земли, круговой порукой и т.д. По сути, эти отношения создали сильнейшее противодействие столыпинской реформе. Сегодня эти общинно-властные отношения, дополненные и закрепленные семидесятилетней историей «социалистических отношений» проявляются на всех уровнях хозяйствования: от производственного звена до уровня государственного управления. Возникла и целая система институтов власти-собственности, которые, если говорить в пространственном аспекте, заполнили все кабинеты партийных структур. Коррупция и бюрократизм – внешние формы власти-собственности. Последняя приносит ренту, ренту политическую. Законы ее распределения наукой не изучены и, следовательно, нормы отношений не определены. Но этот вид дохода может быть использован на реализацию стратегии развития, что естественно изменяет структуру и приоритет властных отношений, или на закрепление сложившегося института властных отношений. Например, тот же Китай, понимает кто (!), как (!) и каким образом (!) создает основную массу добавленной стоимости и как, в чьих интересах она распределяется в стране. В зависимости от этого разрешаются естественные противоречивые интересы, сочетающие текущие коммерческие выгоды и долгосрочные стратегии. К сожалению, все сегодня понимают и принимают краткосрочные выгоды от деятельности хозяйствующих субъектов, но далеко не все могут понять и признать выгоды, общественную пользу в долгосрочном периоде. Собственно, так было всегда, но выигрыш мыслящих в рамках государственных интересов (политэкономический подход) оказывался в конечном счете предпочтительным. Но формула «жить как в Европе, а работать, как при социализме» отражает основной дух трудовых отношений, отношений капитала и труда современной хозяйственной системы в странах бывшего социализма. Формула власти-собственности сохранилась – действовать в рамках текущих краткосрочных интересов, ориентируется на выживание, сохраняя достигнутую стабильность, но теряет перспективу будущего развития.

**Экономическая история –
это история экономических идей**

Современная мир-экономика представляет собой сложную и многоуровневую структуру, в которой происходят *хаотические и противоречивые* количественные и качественные сдвиги. В ней воплотились не только стихийные начала эволюционного процесса, но субъективированное знание, действия политиков, менеджеров. Признание необходимости изменить сложившийся мировой экономический порядок означает признание необходимости парадигмально-методологической *реконструкции* доминирующих теорий экономической науки. История эволюции науки свидетельствует, что инерция существующего экономического мышления оказывается сильнее инерции реальной экономики. С опозданием циклическую траекторию повторяет в развитии и наука об экономике, создавая ограниченным, неполным и несвоевременным знанием предпосылку для каждого последующего цикла.

Вряд ли кто будет отрицать тот факт, что циклы российской экономики несколько шли вслед за европейскими циклами. Это ни хорошо, ни плохо, но уже по последствиям в западной части Европы можно было судить о российских последствиях. Кстати, есть две закономерности, которые объясняют высказанный выше феномен. Первое, российская экономическая мысль была в основном в зависимости от западной экономической мысли. Второе, проникновение идей на восток шло всегда с опозданием. Специфика российской мысли во многом заключалась в том, что она не «вела», к сожалению, мировую экономическую мысль. Причина – сложившаяся хозяйственная практика, ее уровень. Содержание же этой специфики велось вокруг отстаивания права на «свой путь развития», например, в отличие от «западничества».

Пожалуй, нельзя не назвать одно исключение, хотя некоторые, возможно, найдут и другие оригинальные труды. Но все же «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.) И.Т. Посошкова стоит того, чтобы ее не только назвать, но и выделить, поскольку в ней автор не только обращается к нематериальному богатству – духовности нации, но и в последней видит предпосылку социально-экономического развития в целом. Напомним, глава 1 «О духовности» открывает этот труд. И это в то время!

Россия не первая страна в мире, которая приняла капитализм. Это решение далось ей крайне тяжело, поскольку в этой общественной форме организации русские исследователи видели, что вполне справедливо, огромные недостатки и несправедливости.

Но Россия – первое государство, которое ответило в 1917 г. на исторический вызов и предприняла усилия, направленные на решение накопленной прежней системой всеобщей несправедливости, проявлявшейся в разных плоскостях. Например, этический контекст справедливости в Европе выражался через общепринятую норму эквивалентных отношений и классическую норму права. Российский же вариант справедливости нашел проявление в постоянных бунтах и захвате частной собственности, предававшейся чаще всего обычному разгрому. При некоторых разногласиях

в оценке и перспективах политико-экономического режима российского самодержавия, формах его модернизации, выражаясь языком сегодняшнего дня, все же можно утверждать, что за осуществление институциональных кардинальных изменений выступало большинство сообщества интеллектуалов.. Поскольку до настоящего времени не дана оценка этого сложнейшего по всем своим событиям исторического периода, сошлемся на труд А.А. Зиновьева [9], привлекающий внимание ученых больше методологией исследования социально-исторических процессов, рассуждениями, чем выводами.

К сожалению, политико-экономическая мысль эпохи социализма до настоящего времени не проанализирована и не получила своей оценки: была семидесятилетняя история жизни общества, но истории исследования мысли и идей этого периода создать не удалось. А ведь по ней можно отследить непростой период поиска людьми способов хозяйствования по-иному, поскольку по-новому править они не могли, а по-старому жить не хотели. Но оказывается, что экономическая история существует, а мысли, ее несущей и конституирующей и конструирующей, нет. Не накоплен обобщенный социальный опыт, чтобы можно было на генетическом уровне сохранять институциональное равновесие страны, позволяющее без особых разрушений все-таки выходить с учетом изменяющихся технологий, форм общения и т.д. на действительно более эффективные формы хозяйствования, модернизируя капитализм через социализм, а последний – в более эффективный экономический и социальный строй, что делается сегодня. Обращение к истории экономической мысли времен социализма особенно 1920–1930-х гг. показывает, что, *во-первых*, при всех коллизиях затрагивается весьма на глубоком уровне неожиданно (?) возникший пласт проблем, которые находят оригинальные и практичные пути решения. *Во-вторых*, научное сообщество гуманитарной сферы не обогатилось приращенными за весь прошлый период знаниями и тем более мудростью, иногда стоящими больше, чем, например, очередной мультипликатор или акселератор. Ведь, например, план ГОЭЛРО сфокусировал в себе единство верного понимания державного и индивидуального интересов на определенный исторический момент, сконцентрировал политическую волю и технические возможности для реализации нового технологического способа производства (!), что позволило СССР завоевать в этот период мировое лидерство в первый и последний раз за всю свою историю. Вот как выглядит объем производства экономики СССР накануне Второй мировой войны (табл.).

Таблица 1

Динамика производства некоторых стран в 1939 г., (% , 1913 = 100 %)

Страны	Общее производст во	Производство в расчете на душу населения	Промышленн ость
СССР	210,0	161,5	318,4
США	175,8	122,1	154,0

Великобритания	138,3	119,2	151,7
Германия	165,9	132,2	149,3
Франция	124,0	123,3	110,0
Италия	164,0	129,7	161,4

Источник: Герман Ван дер Вее. История мировой экономики (1945–1990) / пер. с франц. М.: Наука, 1994. 413 с.

Напомним, в этот предвоенный период начинается дискуссия относительно предпосылок самостоятельного существования и практической необходимости политэкономии социализма, которая, по сути, завершается в 1952 г. книгой Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Главный вывод, который можно сделать из анализа своеобразной теоретической лаборатории заключается в том, что политэкономическая мысль институционализировалась мыслью державного деятеля. Оформилась своего рода парадигма политической экономии социализма, из которой следовали, если говорить упрощенно, зависимость и ограниченность закона стоимости от плановых законов социализма. Но «недочет в понятиях» все-таки имел место. Дело в том, что новое дело, а строить новую экономическую модель, которой не было в мире аналога, – дело архисложное и, как показывает история, неблагоприятное. И все же дискурс относительно содержания понятий «экономические законы социализма», «социализм» и другими понятиями был весьма широкий. Но добавление словосочетания «в условиях социализма», так же как сегодня «в условиях рынка или перехода к рынку», дезорганизует мышление и не дает верного, действительно научного методологического старта для исследования любой проблемы. А о каком рынке идет, например, речь? Рейнской модели, скандинавской, англо-американской или какой-либо другой и какого периода?

Июньский Пленум ЦК КПСС 1983 г. привел в смятение экономистов выводом о том: что «мы не знаем то общество, в котором мы живем», а апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 г. поставил в качестве задачи выработку теоретической платформы и практических рекомендаций по перестройке и ускорению. Заметим, такая оценка познанной «социалистической реальности» и не только ее, давалась почти после шести десятков лет исторического опыта.

В ходе дискуссий возникало много вопросов под влиянием изменяющейся практики как в целом в мире, так и в СССР. Однако незаметным для большинства рассуждающих профессионалов и любителей о «путях перестройки» оказалось закамуфлированное смещение акцента с поиска расширения путей повышения эффективности в рамках социалистической доктрины на никем недоказанный, но неосознанно принятый тезис – «альтернативы рынку нет». Конечно, последнее принципиально меняло содержания дискуссии, но еще раз отметим, что такая замена одной идеологической доктрины или основополагающей аксиомы на другую оказалась незамеченной не только экономистами, но и

политэкономами, представителями всей гуманитарной сферы. Неискушенные в практике капиталистического хозяйствования экономисты, физики, химики, математики и другие специалисты в рамках своих интуитивно-мировоззренческих представлениях стали рассуждать о возможностях построения рынка с «человеческим лицом». С позиций сегодняшнего дня многое, что происходило два десятка лет назад, кажется наивным. Обратившись, однако, к недавней истории, публикациям того времени, можно убедиться в том, какой серьезный резонанс получила абсолютно пропагандистская «программа 500 дней». Но, тем не менее, известные ученые пытались обосновать в СМИ возможности такой быстрой институциональной трансформации... И дело, может, даже не в абсурдно коротком сроке, отведенном на фундаментальные трансформации базовых институтов. Дело в том, «основоположники современной реформы» заложили в нее ... план приватизации. Так же как и его социалистический аналог – план производства, он имел цель (?), сроки, этапы, мероприятия, ряд количественных показателей. «Теоретики» реформ, наконец, следуя примеру «советских бюрократов», навязывали свои собственные предпочтения и приоритеты, интересы и мотивы всем участникам процесса смены собственника. И, конечно, в это поверили. Но последнее обстоятельство никак не имело отношения к науке, поскольку понятие «вера» связано в первую очередь с религией. Целью реформ было создание абстрактной модели рынка, нигде в мире не существующей, а критерием завершенности переходного периода объявлялось выполнение «плана приватизации», т.е. смены собственника. Неважно, что в результате разрушения социального капитала практически во всех постсоциалистических странах произошла деиндустриализация и снизилась в несколько раз эффективность использования имеющихся ресурсов со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате формально завершившегося процесс приватизации поменялись лишь субъектно-объектные рамки отношений собственности. При этом никто не считал резко возросших транзакционных издержек по данной процедуре дальнейших реформ, равно как возросшего уровня данного вида издержек по управлению этой собственностью. Но что дальше? Ведь реально проблем стало значительно больше, чем до начала объявленного периода «системных трансформаций», а теоретически аргументированных ответов на вызов этих проблем не добавилось [10].

Не являясь сторонником ни нравственной, ни интеллектуальной позиции А. Чубайса, который уже после «политического внедрения рынка» (!) в России ставит вопрос «что делать?», приведем центральную мысль его статьи: «Таким образом, советская экономика уже не справилась с задачей инновационного развития. Российская рыночная экономика еще не сумела с ней справиться... Чего пока не хватает?.. Необходимо на некоторое время сбавить темп, оценить сделанное и заново обозначить цели. Нужна комплексная стратегия инновационного развития. Для начала нужно выбрать оптимальный горизонт планирования» (подч. нами – П.Л.) [11, с. 120–126]. Вот так – необходим жесткий план научно-технического развития с

концентрацией внимания на фундаментальных, прорывных стратегиях с горизонтом в десять-двадцать лет. Но парадокс налицо – две казалось бы альтернативные системы оказываются одинаково невосприимчивыми к научно-техническому прогрессу. Но в первом случае, как было принято говорить, недооценивалась роль денег в этом процессе, то во втором случае явно доминирует даже не денежный интерес, а алчность бизнеса, ориентированного на простой утилитаризм. Итог – разрушение и потеря многими молодыми рыночными странами своего научно-технического, производственно-экономического и социально-институционального потенциала.

Таким образом, современный этап новейшей экономической истории стран бывшего социализма можно выразить следующими категориями: хозрасчет, перестройка, демократизация, научно-технический прогресс и ускорение (проблема), рынок, приватизация, инновации, модернизация и развитие. Иными словами, и социалистическая система, и нынешний постсоциалистический рынок оказались одинаково невосприимчивой к инновациям и активному повышению конкурентоспособности и качества продукции. Под давлением узкоэгоистических политических интересов усилилась национальная обособленность стран, в результате чего природно-сырьевая направленность их экономик усилилась, а разложение соответствующих технологических укладов значительно обусловило деиндустриализацию не только, например, России, Молдовы, других ныне уже самостоятельных государств, но и Беларуси, которая в рамках единого союзного комплекса имела весьма высокие индустриально-экономические показатели. Например, если в начале 1990-х гг. в Беларуси доля продукции пятого технологического уклада в структуре ВВП занимала около 10%, то после попыток реализации национальных инновационных систем этот показатель уменьшился до 3–4%. В основном инновациям подвергается в настоящее время освоение новых видов продукции ресурсных отраслей при максимальной загрузке имеющегося оборудования и значительно меньше инновации внедряются в освоение новых технологий, машин и оборудование [12, с. 194–195].

Антироссийские санкции как проявление общего кризиса глобального капитализма

Сегодня можно наблюдать очередной этап формирования новой мир-системы, характеризующийся достаточно структурированной с точки зрения доступа к различным базам данных, агрессивной и недемократичной информацией. Новый метод коммуникации, который можно назвать методом джунглей, породил удивительное сочетание правды и вымысла, что само по себе является сутью информационной войны, но не конкуренции. С последней, как показали события последних лет в Украине, начинаются реальные войны. Война в Украине, санкционная война, объявленная России, есть закономерный этап проявления общего кризиса глобального капитала,

который не сумел другими методами обеспечить свое существование. Эта война подтверждает ту закономерность, что каждый общий кризис всегда сопровождается не просто локальным военным конфликтом, а имеет крайне серьезные военно-политические события. И, к сожалению, всегда Россия оказывалась не просто затронутой историческими событиями (например, 1812, 1914, 1941 гг.), а становилась их главным актером. Не будем рассматривать иные мировые баталии, но вопрос возникает крайне серьезный: что это и в чем причины такого очередного жесткого противостояния уже не двух систем, а России и, по сути, западной системы ценности и возможностей геополитического влияния; как же можно преодолеть текущую информационную и политико-экономическую войну (пока такую) и какова перспектива более мягкого выхода из этой сложной ситуации? Борьба за глобальную ренту (!) как основную форму дохода глобального капитала выходит за пределы экономической конкуренции на уровень конкуренции институциональной. Реально она проявилась как санкции против самостоятельного политико-экономического поведения России в мировом пространстве и политики за свою законную долю национальной добавленной стоимости. Беларусь испытывает не просто косвенное отрицательное влияние этих санкций. Она находится в силу сложившихся исторических традиций в теснейших различных связях и отношениях с Россией. Об этом говорит даже торговый баланс. Поэтому санкции также меняют ориентиры в содержании экономической политики страны и предпочтения в поведении хозяйствующих субъектов. Разница между объемом ВВП по обменному курсу и ППС, а курс национальной валюты самым существенным образом зависит от санкций, свидетельствует о размерах изъятия (возможного) добавленной стоимости Беларуси в пользу держателей, например, доллара. Иначе говоря, «сильные» страны с сильной валютой всегда разрешали свои проблемы за счет других стран.

Регионализация как средство минимизации последствий санкционной политики Запада

Как показывает анализ эволюции технологических, хозяйственно-экономических и социальных тенденций, последствия санкционной войны можно минимизировать посредством регионализации, т.е. выбора независимых партнеров, имеющих исторические традиции экономических и культурных отношений, интересы которых непротиворечивы или же совпадают на определенном историческом отрезке. Следует, *во-первых*, отойти от стандартов оценок «традиционной» (неоклассической) теории в текущей ситуации, поскольку именно она привела Россию и другие постсоциалистические страны к неокOLONIALной зависимости. Конечно, теория теорией, а голову свою имей, но, к сожалению, массовая атака общественного мнения: приватизация, либерализация и пр. свою задачу полностью выполнила – переходный период закончился, но что дальше? *Во-вторых*, следует объективно оценить качество собственных институтов как

через призму сложившегося расчета всемирных индикаторов, например индексов человеческого развития, глобализации, привлечения иностранных инвестиций и др., так и в контексте своей колеи исторической эволюции. *В-третьих*, подлежит рациональной оценке положительные стороны России и ее государств-партнеров в текущей ситуации. Что касается последнего обстоятельства, то политико-экономическая сила страны, прежде всего, заключается, как бы это ни парадоксально это звучало, в ее хотя и противоречивой, но все же в длительной самостоятельной истории народа, умеющего в нужное время аккумулировать свой духовный, экономический и политический потенциал по сравнению с другими странами, испытывающими подобного рода сложности. Далее, это большие золотовалютные резервы, положительные международные инвестиционные позиции, маленький государственный долг и относительно низкий бюджетный дефицит, некритический уровень инфляции и безработицы. Есть и другие положительные институциональные свойства, которые, так или иначе, проявляются в российской экономической истории. Если таблица 2 показывает что мы имеем для физической или природной экономики, то таблица 3 показывает нам на потенциальные возможности экономики интеллектуальной, способствующей инновационной стадии развития.

Таблица 2

Производство сельхозпродукции на душу населения,
кг, 2013 г.

Страна	Казахстан	Беларусь	Россия
Зерно	1072	803	636
Сах. свекла	4	459	274
Картофель	196	625	210
Овощи	190	172	102
Скота и птицы в уб. весе	55	124	60
Молоко	287	703	214
Яйца	228	418	288

Источник: расчеты по данным www.world.bank.org, данным статистики стран.

Следующая таблица свидетельствует о *качестве* социально-экономического развития стран с точки зрения освоения укладов и отраслей «новой экономики». Это очень важные характеристики для оценки потенциальных возможностей постиндустриального развития [5].

Таблица 3

Место стран ЕАЭС в рейтинге готовности к экономике знаний, 2012 г.

Страна	Knowledge Economy index	Knowledge index	Innovation index	Education index	ICT-index
Беларусь	59	45	60	33	47
Казахстан	73	63	91	40	68
Россия	55	40	40	44	44
Армения	71	78	82	39	100

Источник: www.world.bank.org

Несколько выводов

Современный период высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда, рынок идей утратили состояние устойчивости, а сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, которые выработаны А. Смитом. По сути, это было главным завоеванием капитала, которое симулировало снижение затрат, повышение эффективности и, таким образом, формировало условия для развития. А сегодня это основное противоречие этапа глобального капитала. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – сохранение политико-экономической демократии и обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по юридическим законам (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но эти законы никак не координируются с экономическими законами – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономики. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет Нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» (подч. – П. Л.) [13, с. 55].

Реально названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, создал ситуацию 2008 г., которую тоже назвали кризисом, а также был в основе экономической блокады 2014 г. из-за попыток России вести самостоятельную политику. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс состоит в том, что такая практика признается рациональной, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. А поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставила последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже простого «обнуления» экономического обеспечения кредитов в банках, то вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий период ликвидным материалом, т.е. банкам или финансовым компаниям. Таким образом, предсказанная Т. Вебленом дихотомия бизнеса и предпринимательства довела эту проблему до разлома.

Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации прибыли не за счет производства благ и услуг в своих странах, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. А для этого он создал особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал существенно переродился. Он уже не несет ответственности за свои действия, а предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия. По сути, это капиталистический коммунизм – новая эпоха в развитии рыночной экономики, превратившейся в свою противоположность. Этот порядок, если надо, поддерживается далеко не экономическими и политическими методами. Новый передел мира всегда сопровождался военными конфликтами разного уровня и глубины. Для России в таких условиях либерально-рыночного стратегия политико-экономического поведения, основанная на импорте рекомендуемых международными организациями институтах, меняется на политику формирования региональных союзов. В частности, такими союзами реально выступают БРИКС, ЕАЭС, двусторонние экономические отношения между странами, где сложились долгосрочные торговые и другие связи.

Таким образом, современный кризис мирового хозяйства глобального капитала – это кризис парадигмы самого капитала не только в практике, но и в теории. Новый экономический бестселлер Т. Пикетти [14] свидетельствует об этом. Мир-экономика сегодня представляет собой многоукладную систему, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый,

средний и крупный бизнес фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени глобальный капитал, который и задавал правила, нормы поведения всей системы мир-системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась, в том числе под влиянием общего мирового кризиса. Какая следующая ступень? Эта тема отдельного непростого анализа и разговора для экономической науки. Тот же П. Кругман пишет: «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [13, с. 458]. Российско-украинский конфликт всего лишь повод для того, чтобы глобальный капитал попытался острыми формами найти выход из этого плохого равновесия для своего сохранения и последующей модернизации.

Для России как страны геополитического значения, невзирая на ее четверть века деиндустриализации, все-таки вектор социально-экономического развития находится в русле неформальных сложившихся институтов [8], имеющих многолетнюю историю. Именно они определяют приоритет ценностей и населения, и бизнеса, и политиков, и менеджеров. Надо учитывать природно-климатический фактор также, как и территориальную протяженность, которые не просто косвенно, а прямо влияют на выбор и проведение экономической политики, использования ее инструментов. История России складывается из отсутствия отношений рабовладения, но элементы феодальных отношений, патриархальной общины оказывали сильнейшее влияние и проникли в поры населения различных социальных групп и классов. Дистанция власти или патернализм – это также свойства, которые определяют выбор форм и инструментов экономической политики России. Вспомним роль монархов и казенных мануфактур, с которых начинался ранний российский капитализм. Наконец, последнее. Материально-денежный стимул, с которого начинается и заканчивается «стандартная» или западная рыночная экономическая модель, для российского общества всегда имел далеко не первостепенное значение. Подводя итог, и используя методологию политэкономии, подчеркнем, что для современной экономики, и Россия, Беларусь здесь не являются исключением, стратегия социально-экономического развития находится в плоскости противоречия между формальными и неформальными институтами, которые и задают параметры, интенсивность использования имеющихся в стране материальных и интеллектуальных ресурсов. Как пишет в своей популярной книге Дж. Стиглиц, рыночные мотивы и стимулы, которые формируют правительства (!), решают лишь задачи краткосрочного текущего периода: накопление денег и создание неравенства, которое предает забвению те институты (образование, медицину, науку и пр.), которые формируют и задают старт новому циклу развития. «Рыночные силы, - пишет Дж. Стиглиц в своем нашумевшем труде, - не всегда

функционировали описанному механизму: нет ни одной теории, которая бы провозглашала именно этот путь» [15, с. 117]. Это означает, что теория рыночной экономики относительно хорошо описывает функционирование системы в краткосрочных рамках обмена стандартных товаров и услуг. Сфера же производства новых идей новых товаров и социальных отношений всегда является неожиданной проблемой. Сегодня именно такой этап, когда во всем мире наблюдается переходный период от рыночной цивилизации к другой. Какой? А это уже, как говорится, тема другой статьи.

Литература

1. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
2. Кругман П. Возвращение великой депрессии. М., 2009.
3. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после кризиса. М., 2011.
4. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
5. Мировые индексы и рейтинги // Зеркало недели. 2007. № 42–43.
6. Вольчик В., Бережной И. Группы интересов и качество экономических институтов // Экономический вестник Ростовского госуниверситета. 2007. № 2. Том 5.
7. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития. Калининград, 2010.
8. Лемещенко П.С., Сидорова А.М. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. Минск, 2013.
9. Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект. М., 2011.
10. Полтерович В. Стратегия модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4.
11. Чубайс А., Инновационная экономика в России: что делать? // Вопросы экономики. – 2011. - № 1.
12. Хмурович Л. В. Инновационный аспект деловой активности белорусских промышленных предприятий / Сб-к «Перспективы инновационного развития Республики Беларусь». Брест: БрГТУ, 2012.
13. Кругман П. Великая ложь. М.: Москва, 2004.
14. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press, 2014.
15. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.